

У истоков младоросского движения

Людам свойственно как бы прирожденное тяготение к истине. В жизни политической оно находит свое выражение в присущем людям стремлении строить свою общественную жизнь в согласии с требованиями морали и справедливости. И вряд ли мы ошибемся, если скажем, что это стремление воодушевляет, в той или иной степени, каждое, хоть сколько нибудь широкое, не ограниченное просто небольшой группой лиц, политическое движение. Во всяком случае, более или менее отчетливое сознание, либо даже просто ощущение, правоты своего дела является неизменным и совершенно необходимым элементом такого движения. Исчезновение этого элемента неминуемо повлекло бы за собою и умирание самого движения.

Если мы обратимся за примером к пресловутой классовой борьбе, то увидим, что эта борьба зарождается и ведется, по преимуществу, в области идейной, в области правосознания, и что, благодаря этому, деление людей на враждующие станы не вполне соответствует их классовой принадлежности. Этим и объясняется самая возможность не только борьбы, но, часто, и победы класса слабого, угнетенного, над классом сильным, угнетающим, обладающим всеми средствами и возможностями для сохранения своего господствующего положения. И вот этот класс, вместо того, чтобы привести классы более слабые в рабскую зависимость от себя, напротив, очень часто бывает принужден идти на уступки и отказываться от своего господства. Такое положение вещей неизменно обуславливается тем, что он теряет уверенность в правоте своего дела.

Но ошибкой было бы думать, что стремление к торжеству морали и справедливости обязательно служит основным побуждающим мотивом в каждом политическом движении. Напротив, очень часто это стремление, как качество не отделимое от человеческой природы, определяет лишь необходимое, но далеко не достаточное, условие для возникновения и развития политического движения. Так сила проповеди Ленина, смысл которой сводился к лозунгу «грабь награбленное», заключалась не просто в том, что эта проповедь была обращена к низменным инстинктам человеческой природы, а в том, что она оправдывала, с точки зрения справедливости, поступки, диктуемые этими инстинктами. Но тем не менее, основными, побуждающими мотивами, которые заставляли людей идти за проповедью Ленина, были именно эти инстинкты, с тяготением к истине ничего общего не имеющие. А уверенность в справедливости поступков, диктуемых этими инстинктами, послужила лишь необходимым условием для того, чтобы люди отдались им во власть.

Для движения младоросского, стремление к истине, во всем многообразии его проявлений, — стремление сознательное, ни пе-

ред чем не останавливающееся, не идущее ни на какие компромиссы, является основным, главнейшим побуждающим мотивом, основной движущей силой. Вот почему мы никогда не смотрим на идеи, которые мы исповедуем, просто, как на средство политической борьбы. Мы служим своим идеалам, в истинности которых мы убеждены, но не идеалы служат нам.

В свойственном людям тяготении к истине можно различить два составных, хотя и трудно отделимых друг от друга, основных элемента: стремление к познанию истины и стремление к служению ей.

Можно спорить о том, что значит знание. Можно пытаться установить более или менее резкую границу между областью знания и областью веры. Можно строить различные предположения и прогнозы относительно завоеваний человеческой мысли в будущем. Но нельзя отрицать того, что, в наше грешное время, на любой вопрос, касающийся нашего мировоззрения, включая сюда и наши политические взгляды, современная наука и современная философия либо совсем не дадут ответа, либо дадут не один, а много противоречущих друг другу ответов, и при этом, с точки зрения их строго-научной обоснованности, или, вернее, необоснованности, в одинаковой степени веских. Поэтому современный человек, в своем стремлении к познанию истины, попал бы в положение полной беспомощности, если бы у него не оказалось такого, уже сформировавшегося, убеждения, которое он мог бы принять за первоначальную, исходную правду, или, как выражаются младороссы, за «бесдоказательный почин», в истинности которого он не сомневался бы. И эта беспомощность усугублялась бы тем, что, даже ощутив необходимость в таком «бесдоказательном почине», его нельзя было бы просто подобрать или придумать, ибо человек не может поверить в истинность чего бы то ни было просто в силу сознания, что все равно во что то верить надо.

Человек религиозный свою первоначальную правду почерпнет из своей религии. Однако, эта правда может оказаться не достаточной, чтобы определить направление наших политических воззрений. Но мы, националисты, имеем еще один источник истины, из которого мы почерпнем то, чего нам недостает для выработки наших политических взглядов: это — наш национализм. И тут необходимо отметить, что наш национализм ни в чем не может противоречить нашей религии, т. е. религии, которая может быть охарактеризована, как национальная. Напротив, в силу самой своей сущности, он связан с нею неразрывными и тесными узами, историческими, психологическими и идеологическими.

Национализм — тоже, в известном смысле, религия. И в своем логическом завершении он не может не увенчаться религией, уже в буквальном смысле этого слова, — не всякой, конечно, а той, которую мы назвали национальной. Однако, и не доверенный до своего логического завершения, но в основе своей подлинный, национализм выдвигает те же нравственные идеалы, которые указываются и этой религией. Таким образом, он содержит в себе как раз то, и при этом, все то, что должна заимствовать политика у религии, если не проис-

ходит слишком тесного смешения области политической с областью религиозной, что впрочем, не соответствует ни духу нашего православия, ни нашей национальной традиции. Поэтому, для того, чтобы построить свое политическое учение, подлинно-националистическое политическое движение может почерпнуть свою первоначальную правду целиком из своего национализма, и его политическое учение окажется в полном согласии с «национальной религией».

Национализм — понятие очень сложное и многогранное. Но в этом понятии, думается нам, наиболее значительным элементом является свое национальное самоутверждение, которое выражается более подробно в утверждении самостоятельности и самобытности своей нации, как духовного единства, имеющего свою особую, полную высшего смысла, историческую судьбу, predeterminedенную в ее основном направлении неким высшим историческим назначением, некой высшей исторической миссией. И это утверждение неизбежно сочетается в национализме с убеждением, что родная нация достойна выпавшей на ее долю исторической миссии, что она способна ее выполнить и что, поэтому, традиционный путь ее исторического развития, в основном своем направлении, верен. Вот поэтому, националист не может не относиться бережно к прошлому своей нации, не может не дорожить и не отстаивать ее исторической традиции. Конечно, в этой традиции нужно уметь отделять существенное от не существенного и не путать ее просто с рутинной. Национальная историческая традиция должна служить путеводной звездой для дальнейшего развития и процветания нации, а не тормозом для какого бы то ни было прогресса.

Но скажут, может быть, что все это — мистика. Да, вне мистики национализм не мыслим. Но если бы мы отказались от всякой мистики в своем отношении к родной нации, то этим самым мы низвели бы все национальные чувства человека, включая сюда и самый обычный патриотизм, до уровня просто животного инстинкта, наличие которого в себе мы можем констатировать, но подчинение которому мы не можем рассматривать, как нравственный долг человека, и сознательно следовать которому мы можем лишь для того, чтобы удовлетворить свою чисто животную потребность.

Для подлинного Русского националиста не страшна мистика в его отношении к своей нации, «Святая Русь» для него не просто устаревшее и потерявшее свой смысл выражение, и в русской национальной традиции он найдет ту первоначальную исходную правду, которая послужит ему в его исканиях истины надежной и верной опорой.

Однако, при всем этом не следует забывать, что, если людям свойственно стремление к истине, то им не менее свойственна и способность ошибаться и заблуждаться даже тогда, когда путь к истине, казалось бы ясен, как Божий день. Люди склонны к рутине, склонны к слепому подражанию другим, они легко, часто совсем не заметно для себя, идут на компромиссы и сделки с совестью, они легко впадают в узкий и слепой фанатизм.

И вот, чтобы избежать всего этого, необходимо уметь вносить

элемент сознательности и критического отношения в свои убеждения. Это отнюдь не будет противоречить твердости и устойчивости взглядов. Необходимо, чтобы стремление к служению истине не заглушало бы окончательно стремления к познанию истины, чтобы люди никогда не довольствовались тем, что имеют, ни с точки зрения глубины, ни с точки зрения объема их «знаний». Необходимо, чтобы они обладали мужеством мысли, умели бы правде в глаза смотреть. Необходимо, чтобы они были всегда готовы принять истину, где бы они ее ни обнаружили, кто бы ее ни открыл; чтобы они умели подойти к каждому мнению, каждому убеждению, принадлежащему даже самому посредственному, самому маленькому человеку с терпимостью, уважением и вниманием, ибо в мнении даже маленького человека может иной раз оказаться крупница истины и, может быть, очень ценная: ведь и маленький человек «по образу и подобию Божьему создан».

И вот, так как на нас лежит долг быть полноценными борцами за торжество истины на нашей грешной земле, мы обязаны все эти качества непрестанно и неустанно развивать в себе и друг в друге.

С. Попандуло.

„О младоросской идеологии“

(брошюра К. Елита-Вильчковского).

Жизнь это — движение. Все живое развивается, растет. Не может стоять на месте и младоросская мысль. Наиболее ярким ее выражением за последнее время, бесспорно, является работа К. Елита-Вильчковского «О Младоросской Идеологии». Эта работа не только обогащает мир младоросских идей, но и сообщает младоросской мысли могучее поступательное движение. Вот почему хотелось бы отнестись к ней не только с жадной любознательностью, но также и с осторожным скептицизмом: «Семь раз отмерь, один раз отрежь», учит Русская пословица. Живая мысль нуждается в критике, — этим мы и попытаемся заняться.

Младоросская идеология, говорит К. Елита-Вильчковский, «хочет будить и направлять живую мысль, а не подменять ее готовой формулой. Она приветствует индивидуальное преломление своих основных идей, потому что именно через него она обогащается. Чем разнообразнее будет это индивидуальное преломление, тем многограннее будет младоросская идеология, тем шире будет охват. И, поскольку принятие основных идей обуславливает внутреннее единство младороссов, многогранность не будет порождать разногласию: в многообразии будет созвучность. Совершенно так же, как развитие основных идей не может быть, с младоросской точки зре-